

Сказка бочки

Автор:

Джонатан Свифт

Сказка бочки

Джонатан Свифт

«Сказка бочки» – памфлет Д. Свифта, направленный против современной ему церкви и человеческих пороков. Памфлет состоит из двух сюжетных линий. Одна – история троих братьев, вторая – отступления, имеющие конкретных адресатов: актеров, ораторов, чиновников, ученых и т. д. Три брата олицетворяют собой течения христианской церкви. Петр – католицизм, Джек – кальвинизм, Мартин – лютеранство и англиканскую церковь. В том, как они пытаются поделить отцовский кафтан, Свифт сатирически изображает разделение христианства и нещадно изобличает пороки всех церковных служителей. Читателя поразит остроумие автора и легкость слога его произведения.

Джонатан Свифт

Сказка бочки

Diu multumque desideratum.

Basima eacabasa eanaa irraurista,

diarba da caeotaba fobor camelanthi.

Iren. Lib I. c. 18.

Juvatque novos decerpere flores,

Insignemque meo capiti petere inde coronam,

Unde prius nulli velarunt tempora Musae.

Lucret.

Раздел I

Введение

Кто одержим честолюбием заставить толпу слушать себя, должен изо всех сил нажимать, толкаться, протискиваться, карабкаться, пока ему не удастся сколько-нибудь возвыситься над ней. Ведь в каждом собрании, битком набитом людьми, можно наблюдать такую особенность: над головами собравшихся всегда есть достаточно места; вся трудность в том, как его достичь, – ибо из массы выбраться так же нелегко, как из пекла.

Первое издание памфлета Свифта Сказка бочки (A Tale of a Tub, 1704)

Evadere ad auras

Nos opus, hic labor est[1 - Подняться к небу — Вот работа, вот труд (лат.).].

Чтобы помочь беде, философы испокон веков применяли, свой способ: строили воздушные замки. Но несмотря на распространённость такого рода построек и давно приобретённую ими прочную репутацию, которая сохраняется и поныне, я смиренно полагаю, что все они, не исключая даже сооружения Сократа, подвесившего себя в корзине, чтобы привольнее было предаваться умозрению, страдают двумя явными неудобствами. Во-первых, фундамент у них возводится слишком высокий, так что часто они оказываются не доступными для зрения и всегда для слуха. Во-вторых, материалы их, крайне непрочные, сильно страдают от суровой погоды, особенно в наших северо-западных областях.

Таким образом, для верного достижения указанной высокой цели остаётся, насколько я могу представить, только три способа. Весьма заботливая в этом отношении мудрость наших предков придумала, в поощрение всех предприимчивых людей, три деревянных сооружения, которыми могли бы пользоваться ораторы, желающие без помехи произносить пространные речи. Сооружения эти: кафедра, лестница и странствующий театр. Ибо, что касается перил, то, хотя они делаются из того же материала и предназначаются для того же употребления, их нельзя, однако, удостоить четвёртого места вследствие их более низкого уровня, позволяющего соседям постоянно перебивать оратора. Сама трибуна, хоть она и достаточной высоты, тоже не имеет на это права, как бы ни настаивали её защитники. Ибо, если они соблаговолят рассмотреть её первоначальное назначение, а также побочные обстоятельства и околичности, служащие этому назначению, то легко признают, что теперешняя практика в точности соответствует первоначальному замыслу, а то и другое – этимологии слова, которое на финикийском языке необыкновенно выразительно и буквально означает – место для сна; в ходячем же употреблении под ним понимают мягкое, обложенное подушками сиденье для отдохновения старого подагрического тела; *senes ut in otia tuta recedant*[2 - Пусть старики удаляются на покой (лат.)]. Что может быть справедливее такого возмездия? Так как прежде они пространно говорили, а другие в это время спали, то теперь могут спокойно спать, пока другие говорят.

Но если бы даже невозможно было привести никаких иных доводов для исключения трибуны и перил из списка ораторских сооружений, достаточно того, что допущение таковых опрокинуло бы число, которое я решил отстаивать во что бы то ни стало, в подражание мудрому методу многих других философов и великих учёных, в своём искусстве производить подразделения, облюбовывающих одно какое-нибудь мистическое число, которое их воображение делает до такой степени священным, что, вопреки здравому смыслу, они находят для него место в каждой части природы: сводят, включают и подгоняют к нему каждый род и вид, насильственно спаривая некоторые вещи и совершенно произвольно исключая другие. Итак, среди всех прочих чисел, больше всего занимало меня, в самых возвышенных моих умозрениях, число три, всегда доставлявшее мне неизъяснимое наслаждение. Сейчас печатается (и в ближайшее время выйдет в свет) моё панегирическое рассуждение об этом числе, в котором я не только подвёл под его знамя, при помощи самых убедительных доводов, чувства и элементы, но и переманил на его сторону немало перебежчиков от двух его великих соперников семи и девяти.

Итак, первым из названных ораторских сооружений как по рангу, так и по достоинству является кафедра. Есть несколько видов кафедр на нашем острове, но я ценю только сделанные из дерева, срубленного в *Sylva Caledonia*[3 - Каледонском лесу (лат.)] и вполне пригодного для нашего климата. Чем более ветхи эти кафедры, тем лучше как в отношении передачи звука, так и других свойств, о которых речь будет впереди. Наиболее совершенной по форме и величине я считаю кафедру узенькую, с самым малым числом украшений, и особенно без балдахина (ибо по старинному правилу кафедра должна быть единственным непокрытым сосудом в каждом собрании, где ею законно пользуются); при этих условиях, благодаря своему большому сходству с позорным столбом, она всегда будет производить могущественное влияние на человеческие уши.

О лестницах мне нет надобности говорить. К чести нашего отечества, иностранцы сами отметили, что мы превосходим все народы по части устройства и применения этого сооружения. Входящие на него ораторы доставляют удовольствие не только своим слушателям приятной речью, но и всему свету предварительным опубликованием этих речей; я рассматриваю их как изысканнейшую сокровищницу нашего британского красноречия, и мне сообщили, что достойный гражданин и книгопродавец мистер Джон Донтон с большим трудом собрал достоверную коллекцию, которую вскоре собирается издать в двенадцати томах *in folio*, с гравюрами на меди. Высокополезный и редкий труд, вполне достойный такой руки.

Последней разновидностью ораторских машин является странствующий театр[4 - Ярмарочный балаган, ораторов которого автор предназначает к виселице либо к выступлениям на собраниях диссентеров.], с искусством водружаемый *sub Jove pluvio, in triviis et quadriviis*[5 - Под дождём, на перекрёстках (лат.)]. Это великий питомник первых двух, и его ораторов посылают иногда на первую, иногда на вторую машину, соответственно их заслугам, так что между всеми тремя машинами существует самое тесное и постоянное общение.

Из этого тщательного описания ясно, что для привлечения внимания публики необходимо требуется возвышенное место. Хотя это требование признаётся всеми, однако относительно причины его существует разногласие; и мне

кажется, что очень немногие философы попали на правильное естественное разрешение указанного феномена. Самое глубокое и толковое объяснение из всех, какие мне попадались до сих пор, сводится к тому, что воздух, будучи тяжёлым и, следовательно (согласно системе Эпикура[6 - Лукреций, книга 2.]), постоянно опускающимся телом, должен ещё сильнее устремляться вниз под тяжестью и давлением слов, тоже являющихся тяжёлыми и увесистыми телами, как это видно из глубокого впечатления, которое они производят и оставляют в нас; поэтому их следует пускать с должной высоты, иначе они и не достигнут цели, и не упадут с достаточной силой.

Corpoream quoque enim vocem constare fatendum est,

Et sonitam, quoniam possunt impellere sensus[7 - Нужно признать ведь, что звуки и голос в себе заключают Сущность телесную, так как воздействовать могут на чувство (лат.)].

Я тем охотнее готов принять эту гипотезу, что она подкрепляется распространённым наблюдением: в разных собраниях, где выступают эти ораторы, сама природа научила слушателей стоять с открытыми и направленными параллельно горизонту ртами, так что они пересекаются перпендикулярной линией, опущенной из зенита к центру земли. При таком положении слушателей, если они стоят густой толпой, каждый уносит домой некоторую долю, и ничего или почти ничего не пропадает.

Должен признать, что расположение и архитектура наших современных театров отличаются ещё большим совершенством. Прежде всего партер, в должном соответствии с вышеописанным наблюдением, помещен ниже сцены, чтобы любая пущенная оттуда весомая материя (будь то свинец или золото) попадала прямо в пасть неким критикам (так будто бы называется эта порода), которые стоят наготове, чтобы слопать всё, что подвернётся. Далее, из внимания к дамам ложи построены полукругом и на одном уровне со сценой, ибо подмечено, что значительная доза остроумия, расточаемого для возбуждения своеобразного зуда, распространяется по определённой линии, всегда круговой. Слезливые чувства и жиденькие мысли, по крайней своей легковесности, мягко поднимаются к средней области зала, где застывают и замораживаются ледяными умами тамошних завсегдатаев. Галиматья и шутовство, от природы воздушные и лёгкие, поднимаются на самый верх и, наверное, терялись бы под крышей, если бы благоразумный архитектор не устроил для них с большой предусмотрительностью четвёртый ярус, называемый двенадцатипенсовой галереей, и не заселил его подходящей публикой, жадно подхватывающей их на

лету.

Предложенная здесь физико-логическая схема ораторских вместилищ или машин содержит великую тайну, являясь некоторым прообразом, знаком, эмблемой, тенью, символом, составляя аналогию обширной республике писателей и приёмам, при помощи которых им приходится возноситься на известную высоту над низшими людьми. Кафедра знаменует собой писания наших современных великобританских святых, одухотворённые и очищенные от грязи и грубости внешних чувств и человеческого разума. Материал её, как уже было сказано, – гнилое дерево, по двум соображениям: во-первых, гнилое дерево обладает свойством светиться в темноте; во-вторых, поры его полны червей, что служит двояким прообразом[8 - Два главных свойства фанатического проповедника – внутренний свет и голова, полная бредней, и две судьбы его писаний – быть сожжёнными или съеденными червями.], поскольку имеет отношение к двум главным свойствам оратора и двоякой судьбе, постигающей его произведения.

Лестница является вполне подходящим символом политических интриг и поэзии, которым такое внушительное число писателей обязано своей славой.

Политических интриг, потому что[9 - Здесь рукопись будто бы повреждена.

Такие места встречаются у нашего автора весьма часто: оттого ли, что, по его мнению, он не может сказать ничего, заслуживающего внимания; оттого ли, что у него нет желания углубляться в предмет; оттого ли, что этот предмет маловажен, или, может быть, чтобы позабавить читателя (к чему он часто бывает очень склонен), или же, наконец, автор делает эти пробелы с некоторым сатирическим намерением.]. (Пропуск в рукописи.). . . . поэзии, потому что ораторы этого рода заканчивают свою речь пением; потому что, когда они медленно взбираются по ступенькам, судьба низвергает их в петлю задолго до достижения ими вершины; и наконец потому, что высокое звание поэта достигается заимствованием чужой собственности и смешением моего с твоим.

Образом странствующего театра охватываются все произведения, предназначенные для потехи и услаждения смертных, как-то: Шестипенсовые остроты, Вестминстерские проказы, Забавные рассказы, Универсальный весельчак и т. п., при помощи которых писатели с Граб-стрит и для Граб-стрит одержали в последние годы такую блестящую победу над временем, обрезали ему крылья, остригли ногти, выпилили зубы, перевернули его песочные часы, притупили косу, выдернули из сапог гвозди. К этому именно классу я позволяю отнести и настоящий трактат, будучи недавно удостоен чести избрания в члены

столь славного братства.

Мне небызвестны многочисленные нападки, которым в последние годы стала подвергаться продукция братства Граб-стрит, и постоянное обыкновение двух младших новоиспечённых обществ осмеивать наше братство и входящих в него писателей, как недостойных занимать место в республике остроумия и учёности. Собственная совесть без труда подскажет им, кого я имею в виду. Да и публика не такая уж невнимательная зрительница, чтобы не заметить постоянных усилий Грешемского и Вилльского[10 - Кофейня Билля была прежде местом, где обыкновенно встречались поэты; хотя это ещё у всех свежо в памяти, однако через несколько лет может позабыться, и тогда встретится нужда в настоящем объяснении.] обществ создать себе имя и репутацию на развалинах нашей славы. При нашей чувствительности и справедливости мы ещё больше огорчаемся, когда видим в поведении этих обществ не только несправедливость, но также неблагодарность, непочтительность и бесчеловечность. В самом деле, как может публика и сами они (не говоря уже о том, что наши протоколы чрезвычайно обстоятельны и ясны в этом отношении) забыть, что оба эти общества суть питомники не только нашей посадки, но и нашей поливки? Мне сообщают, что оба наши соперника недавно задумали объединить свои силы и вызвать нас помериться с ними весом и числом выпускаемых книг. В ответ на этот вызов я почтительно предлагаю (с разрешения нашего президента) два возражения. Первое: мы утверждаем, что их предложение похоже на предложение Архимеда относительно менее трудного дела[11 - То есть его предложение сдвинуть Землю.]: оно практически неосуществимо; в самом деле, где им найти достаточно поместительные для наших книг весы и где сыскать математика, способного их сосчитать? Второе: мы готовы принять вызов, но с условием, чтобы было назначено третье незаинтересованное лицо и его беспристрастному суждению предоставлено было решить, какому обществу по справедливости принадлежит каждая книга, каждый трактат и памфлет. Богу ведомо, как этот вопрос в настоящее время далёк от определённости. Мы готовы составить каталог нескольких тысяч книг, на которые наше братство имеет самые бесспорные права, однако мятежная кучка новомодных писателей самым бессовестным образом приписывает их нашим врагам. По этим соображениям, мы считаем совершенно несовместимым с нашим благоразумием предоставить решение самим авторам, тем более что происки и козни наших противников вызвали широкое дезертирство в наших рядах и большая часть членов нашего общества уже перебежала на сторону врага; даже наши ближайшие друзья начинают держаться поодаль, словно бы стыдясь знаться с нами.

Вот всё, что я уполномочен сказать на столь неблагоприятную и прискорбную тему, ибо мы вовсе не хотим разжигать спор, продолжение которого может оказаться роковым для интересов обеих сторон, и нам было бы, напротив, гораздо желательнее по-дружески уладить наши разногласия. С своей стороны, мы настолько уступчивы, что готовы принять с распростёртыми объятиями обоих блудных сыновей, когда бы они ни надумали вернуться от своей шелухи и блудниц, – мне кажется, что это самое подходящее название для занятий[12 - Изощёренные эксперименты и современные комедии.], которыми они в настоящее время увлечены. Подобно снисходительному отцу мы по-прежнему их любим и шлём им своё благословение.

Но величайший удар прежнему благожелательному отношению публики к писаниям нашего общества (если не считать, что нет ничего вечного под луной) нанесён был верхоглядством большинства нынешних читателей, которых никакими средствами невозможно убедить заглядывать под поверхность и оболочку вещей. Между тем мудрость – лисица, которую, после долгой охоты, нужно напоследок с большими усилиями доставать из норы; она – сыр, который тем лучше, чем толще, проще и грубее его корка, и для тонкого нёба самое лучшее в нём – черви; она – сладкий напиток, который тем вкуснее, чем больше вы отпиваете. Мудрость – курица, к кудахтанью которой мы должны прислушаться, потому что оно сопровождается яйцом; наконец, она – орех, который надо выбирать осмотрительно, иначе он может стоить вам зуба и вознаградить вас лишь червяком. В соответствии с этими важными истинами мои мудрые собратья всегда любили вывозить свои поучения и измышления в закрытых повозках образов и басен; но так как они украшали их, пожалуй, заботливее и диковиннее, чем нужно, то с их повозками случилось то же, что обыкновенно случается со слишком хитро расписанными и раззолоченными каретами: они так ослепляют глаза прохожих и так поражают их воображение внешним блеском, что те забывают посмотреть на сидящего внутри владельца. Некоторым утешением в несчастье служит нам то, что мы разделяем его с Пифагором, Эзопом, Сократом и другими нашими предшественниками.

Однако чтобы впредь ни публика, ни мы не страдали от таких недоразумений, я внял настойчивым просьбам друзей и принялся за полное и кропотливое исследование главнейших произведений нашего общества, которые, помимо красивой внешности, способной привлекать поверхностных читателей, таят в тёмной своей глубине законченнейшие и утончённейшие системы всех наук и искусств. Я не сомневаюсь, что мне удастся вскрыть эти богатства путём раскручивания или разматывания, извлечь при помощи выкачивания или обнажить при помощи надреза.

Великий этот труд был предпринят несколько лет тому назад одним из наиболее выдающихся членов нашего общества. Он начал с Истории Рейнеке-Лиса[13 - Автор, по-видимому, допускает здесь ошибку, так как я видел латинское издание Рейнеке-Лиса, выпущенное около ста лет назад; мне кажется, что это и есть оригинальное издание. Кроме того, многие считают, что оно преследует некоторую сатирическую цель.], но не дожидаясь выхода в свет своего исследования, и смерть помешала ему продолжить столь полезное начинание, что весьма прискорбно, так как сделанное им открытие, которым он поделился с друзьями, получило теперь всеобщее признание: я думаю, никто из учёных не станет оспаривать, что эта знаменитая История является полным сводом политических знаний и откровением, или, вернее, апокалипсисом, всех государственных тайн. Но я двинул предпринятый труд гораздо дальше: мной уже закончены примечания к нескольким дюжинам таких произведений. Некоторыми из своих наблюдений я поделюсь с беспристрастным читателем, насколько это необходимо для вывода, к которому я стремлюсь.

Первой вещью, с которой я имел дело, является Мальчик-с-пальчик: автор его – пифагорейский философ. Этот тёмный трактат содержит целую систему метемпсихозы и излагает странствование души по всем её поприщам.

Дальше идёт Доктор Фауст, написанный Артефием, автором *bonae notae*[14 - Высокого качества (лат.).] и адептом. Он выпустил это сочинение на девятьсот восемьдесят четвёртом году своей жизни[15 - Жил он тысячу лет.]. Писатель этот следует всё время путём реинкрудации или *via humida*[16 - Влажный способ (лат.).], и бракосочетание Фауста и Елены прозрачно освещает ферментацию мужского и женского дракона.

Виттингтон и его кошка – произведение таинственного рабби Иегуды Ганасси, содержащее защиту Гемары и иерусалимской Мишны и доказательство её превосходства над Мишной вавилонской вопреки общепринятому мнению.

Лань и пантера. Это шедевр знаменитого ныне[17 - В 1698 году.] живущего писателя, в котором он даёт сводку выдержек из шестнадцати тысяч схоластиков от Скотуса до Беллярмина.

Томми Поте. Другое произведение, приписываемое тому же автору и являющееся дополнением первого.

Набитый дурак, cum appendice[18 - С приложением (лат.)]. Этот трактат блещет огромной эрудицией и может быть назван великим образцом и источником всех доводов, которые приводятся во Франции и Англии в справедливую защиту современной учёности и остроумия против заносчивости, чванства и невежества древних. Неизвестный автор так полно исчерпал предмет, что всё написанное с тех пор по поводу этого спора, как это легко обнаружит проницательный читатель, есть почти сплошное повторение. Извлечение из этого трактата недавно было опубликовано одним достойным членом нашего общества[19 - Я полагаю, что здесь имеется в виду Рассуждение о древней и новой учёности мистера Уоттона.]

Приведённых образчиков, я думаю, достаточно, чтобы дать просвещённому читателю представление о характере всего произведения, которому посвящены теперь все мои мысли и занятия, и если смерть не помешает мне окончательно подготовить его к печати, я буду считать, что жалкий остаток[20 - Здесь автор, по-видимому, пародирует Л'Эстренджа, Драйдена и других писателей, которые, проведя жизнь в пороках, политических интригах и вероломстве, имеют бесстыдство говорить о заслугах, невинности и страданиях.] несчастной жизни нашёл благое употребление. Правда, труд этот почти непосилен для пера, изношенного до сердцевины на службе государству, когда им столько было написано за и против папистских заговоров, мучных бочек[21 - В царствование Карла II в одной мучной бочке были найдены документы о пресвитерианском заговоре, наделавшем тогда много шума.], билля об отводе, пассивного повиновения, предложений жизни и имущества, прерогатив, собственности, свободы совести и писем к другу; непосилен для ума и совести, изношенных и истрёпанных в постоянном вращении; для головы, пробитой в сотне мест недоброжелателями из враждебных партий, и для тела, истощённого плохо вылеченными венерическими болезнями, которыми я обязан доверчивому отношению к сводням и коновалам, оказавшимся (как обнаружилось впоследствии) заклятыми моими и правительства врагами, выместившими свою партийную злобу на моём носе и моих ногах. Девяносто одну брошюру написал я при трёх царствованиях к услугам тридцати шести политических группировок. Однако, видя, что государство не нуждается больше во мне и в моих чернилах, я добровольно удаляюсь проливать их на более подходящие философу размышления, несказанно удовлетворённый безупречностью всей долгой жизни моей.

Но вернёмся к делу. Приведённых выше образцов, я уверен, достаточно, чтобы обелить в глазах беспристрастного читателя остальные произведения нашего общества от распространяемой, ясное дело, завистью и невежеством клеветы,

будто нет от них людям никакой пользы и добра и годны они только на то, чтобы развлекать остроумием и слогом; ибо этих последних качеств, мне кажется, ещё не оспаривал у нас самый крайний недоброжелатель. И вот на всём протяжении настоящего трактата я, как в отношении обоих названных качеств, так и в более глубоком и сокровенном смысле, наиболее близким образом следовал самым прославленным образцам. И чтобы все требования были выполнены, я, после долгих размышлений и с великим напряжением ума, добился в заглавии моего трактата (под которым я намерен пустить его в обращение при дворе и в городе) точного соответствия со своеобразной манерой нашего общества.

Признаюсь, я не поскупился на заглавия[22 - Титульный лист рукописи был так изорван, что не удалось разобрать некоторые из упоминаемых здесь автором заглавий.], ибо заметил всё возрастающую склонность к их усложнению среди писателей, к которым я питаю величайшее уважение. И действительно, ничего нет неразумного в том, чтобы книги, дети мозга, бывали окрещены несколькими именами, подобно детям знатных особ. Наш знаменитый Драйден пошёл ещё дальше, попробовав ввести также многочисленных крёстных отцов[23 - См. его перевод Вергилия.], что является значительным усовершенствованием по весьма понятной причине. Жаль, что это удивительное изобретение не привилось лучше и не распространилось с тех пор путём всеобщего подражания, - ведь пример подан таким высоким авторитетом. Сам я не щадил сил на поддержку столь полезного начинания. Однако с приглашением крёстного отца сопряжены большие расходы, что, можете себе представить, совсем вылетело у меня из головы. В чём тут было дело, не могу сказать наверняка; однако, после того как с величайшим трудом и крайним напряжением мысли удалось мне раздробить свой трактат на сорок разделов и я обратился к сорока знакомым лордам с просьбой удостоить меня чести быть крёстными отцами, все они прислали мне вежливый отказ, сочтя выступление в этой роли несовместимым со своей совестью.

Раздел II

Сказка бочки

Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей[24 - Под этими тремя сыновьями: Петром, Мартином и Джеком, подразумеваются папство,

англиканская церковь и наши протестантские диссентеры. У. Уоттон.] от одной жены, родившихся одновременно, так что даже повивальная бабка не могла сказать наверное, кто из них старший. Отец умер, когда они были ещё очень молоды; на смертном ложе, подзвав к себе юношей, он сказал так:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подняться к небу —

Вот работа, вот труд (лат.).

2

Пусть старики удаляются на покой (лат.).

3

Каледонском лесу (лат.).

4

Ярмарочный балаган, ораторов которого автор предназначает к виселице либо к выступлениям на собраниях диссентеров.

5

Под дождём, на перекрёстках (лат.).

6

Лукреций, книга 2.

7

Нужно признать ведь, что звуки и голос в себе заключают

Сущность телесную, так как воздействовать могут на чувство (лат.).

8

Два главных свойства фанатического проповедника – внутренний свет и голова, полная бредней, и две судьбы его писаний – быть сожжёнными или съеденными червями.

Здесь рукопись будто бы повреждена. Такие места встречаются у нашего автора весьма часто: оттого ли, что, по его мнению, он не может сказать ничего, заслуживающего внимания; оттого ли, что у него нет желания углубляться в предмет; оттого ли, что этот предмет маловажен, или, может быть, чтобы позабавить читателя (к чему он часто бывает очень склонен), или же, наконец, автор делает эти пробелы с некоторым сатирическим намерением.

Кофейня Билля была прежде местом, где обыкновенно встречались поэты; хотя это ещё у всех свежо в памяти, однако через несколько лет может позабыться, и тогда встретится нужда в настоящем объяснении.

То есть его предложение сдвинуть Землю.

Изоощрённые эксперименты и современные комедии.

Автор, по-видимому, допускает здесь ошибку, так как я видел латинское издание Рейнеке-Лиса, выпущенное около ста лет назад; мне кажется, что это и есть оригинальное издание. Кроме того, многие считают, что оно преследует некоторую сатирическую цель.

14

Высокого качества (лат.).

15

Жил он тысячу лет.

16

Влажный способ (лат.).

17

В 1698 году.

18

С приложением (лат.).

19

Я полагаю, что здесь имеется в виду Рассуждение о древней и новой учёности мистера Уоттона.

20

Здесь автор, по-видимому, пародирует Л'Эстренджа, Драйдена и других писателей, которые, проведя жизнь в пороках, политических интригах и вероломстве, имеют бесстыдство говорить о заслугах, невинности и страданиях.

21

В царствование Карла II в одной мучной бочке были найдены документы о пресвитерианском заговоре, наделавшем тогда много шума.

22

Титульный лист рукописи был так изорван, что не удалось разобрать некоторые из упоминаемых здесь автором заглавий.

23

См. его перевод Вергилия.

Под этими тремя сыновьями: Петром, Мартином и Джеком, подразумеваются папство, англиканская церковь и наши протестантские диссентеры. У. Уоттон.

Купить: <https://telnovel.com/dzhonatan-svift/skazka-bochki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)